

# ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ПЕРЕВЕЛ

На литературном фестивале Prima Vista, проходившем с 8 по 11 мая в Тарту и Пярну, были две почетные гости – писательница Людмила Улицкая и переводчица Елена Костюкович.



Елена Костюкович и Саша Соколов, которого итальянские газеты считают солидным русским писателем с большой белой бородой.  
Фото: perevod.it

Николай КАРАЕВ  
nikolain@dzd.ee

Имя Елены Костюкович знакомо всем, кто читал хоть один роман Умберто Эко: именно она перевела на русский все его художественные книги от «Имени розы» до «Волшебного пламени царицы Лоаны». Накануне фестиваля Елена Александровна рассказала «ДД» о том, каково это – переводить на русский Умберто Эко; и как писать об итальянской кухне так, чтобы твоя книга стала потом бестселлером в Италии; и о многом, многом другом.

## «Иди сюда, девочка... Ты сама переводила?»

– Вы – внучка писателя и художника Леонида Вольинского. Надо думать, литературная среда, которая окружала вас с детства, не могла не повлиять на ваше решение связать жизнь с переводами...

– Вы знаете, в те времена не принято было думать, что писательское дарование – даже если предположить, что оно у меня есть, – можно реализовать напрямую. Вы помните, что была цензура, писатель не мог делать карьеру, не продавая себя, и, соответственно, требовалось находить какие-то другие способы самореализации. Та среда, в которой я существовала, знала много обводных каналов. Дед мой, например, человек очень способный и талантливый, писал книги по искусству. Еще было литературоведение – и, наконец, были переводы. Я глубоко убеждена, что хорошие книги уже написаны, и если удастся написать еще одну, это большое счастье, конечно же... но переводить хорошие книги все-таки полезнее. Тут и самореализация, и подарок читателям, и подарок себе, и существование в одном из самых сладчайших режимов, в которых только может находиться человек: ты пишешь большую хорошую книгу!

– Как получилось, что вы взялись за «Имя розы» Умберто Эко, вещь сложнейшую, особенно для молодой переводчицы...

– Представляю, что было бы, если бы я тогда себе сказала: «Вещь сложнейшая, а тебе, Ляля, 22 года, подумай, хочешь ли ты опозориться на всю ос-

тавшую жизнь?» Нет, я со святым горением молодого идиота просто ринулась головой в омут. Перевод «Имени розы» мне никто не заказывал. Там в первом же абзаце говорится: «16 августа 1968 года я приобрел книгу под названием "Записки отца Адсона из Мелька"... Найденный в Праге раритет спас меня от тоски в чужой стране... Через несколько дней бедный город был занят советскими войсками». Из-за этой фразы, поверьте, у них было заседание отдела культуры ЦК! Покойный Генрих Смирнов с пенной у рта доказывал: это проповедь еврокоммунизма, ревизионизма, ползучего западного капитализма... Цензоры хорошо пронюхивали такие вещи, умудрялись отыскивать все спрятанные смыслы. «Вы нас не обманете! Вы думаете, я идиот и не понимаю, о чем книга, – да я больше вашего читал! Я "Архипелаг ГУЛАГ" как свои пять пальцев! Я знаю, что вы хотите протащить в печать, но не будет этого!» Я получила роман в подарок и решила для себя: отличная книга, надо переводить, а с первым абзацем как-нибудь разберемся. Потом – стечение обстоятельств: старшие коллеги, переводчики, даже редакторы вместо того, чтобы затоптать, зажать, сказать «Нечего тебе в 22 года в это лезть!» почему-то сказали: «Ну-ка иди сюда, девочка, дай я на тебя посмотрю... ты сама переводила?» А потом – потом я стала понимать, сколько в текстах скрыто сложности, и стала переводить, может, более чисто, но – менее вдохновенно...

## Волшебное пламя Умберто Эко

– Вам не приходила мысль внести в перевод «Имени розы» какие-то коррективы?

– Издательство «Симпозиум» готовит к печати новое издание «Имени розы», мне как раз прислали верстку, и я впервые за двадцать лет ее открываю. Когда я начну перечитывать свой перевод, боюсь, со мной произойдет все то же, что происходит, когда я читаю дурные чужие переводы, – я буду негодовать, немедленно засучивать рукава... Кроме прочего, переводы обладают феноменальной способностью устаревать, в отличие от оригиналов. И я сознаю, что если все женщины стареют, то и у меня будут морщины, если все перево-

ды устаревают, значит, и у моего будет старая унылая рожа, и что-то захочется в нем переписать.

– Будем надеяться на лучшее – ваш перевод, как и оригинал, выдержан в архаической стилистике, а она, по идее, стареть не должна...

– Будем надеяться. Но, понимаете, когда я перевожу Умберто Эко, я всегда помню об одном: всякий раз, когда я с ним встречалась, проникаясь пиететом и трепетом, я видела, что его отличает ироничное отношение к жизни – во всем. Вот эту интонацию Эко я обязана передать. Чтобы текст не казался высокопарным, чтобы всегда было снижение, юмор. А юмор имеет тенденцию устаревать, и, может, его придется подновлять и подмазывать. Мы говорим не так, как четверть века назад, язык все-таки меняется.

– Когда выйдет русский перевод последнего романа Эко «Волшебное пламя царицы Лоаны»? Английский перевод появился год или два назад, а русского все нет и нет...

– На сегодня перевод завершен, роман верстается и выйдет в первых числах сентября. Текст вычитан, картинки на местах, песенки переведены, комментарии написаны – впервые в жизни я откомментировала роман Эко. Обычно мне кажется, что можно так сделать, чтобы все угадывалось из текста, но в «Пламени» это невозможно. Там такое количество понятных только западному читателю вещей, что я написала большой комментарий – очень аккуратно, деликатно и стыдливо.

– Как вам этот роман?

– Я должна сказать, что книга – замечательная. В ней есть открытая интонация, которой до сих пор у Эко не было – за исключением ряда эпизодов «Маятника Фуко», может быть. Эко – автор ироничный, у него почти нет патетики, а когда есть, она прибавляется потом шуткой, иронией, каламбуром, но когда она все-таки есть, это бесконечно ценно. Все-таки очень мало в мире писателей, которые говорят о главном. Роман «Волшебное пламя царицы Лоаны» – о том, из чего состоит современный интеллигент. О культуре плюс сомнения, чувства, драмы, поиск религии – все то, из чего слеплены мы все, вы, я и он. Герой впадает в кому, забывает, кто он, и лепит наново самого себя из каких-то кусков. И только в момент смерти у него рождается волшебное воспоминание о некоторых поступках – и ты понимаешь, что не дай Бог оказаться в ситуации, когда нужен героизм, но когда он нужен, надо, грубо говоря, выйти на площадь... Переводить «Пламя» было безумно трудно. Массовая культура 30-х годов, картинки-песенки-комиксы. Я даже сделала новый перевод «Лили Марлен» – не потому, что я не люблю перевод Бродского, но если читатель откроет книгу и увидит там Бродского, он подумает: это Эко или Бродский все-таки? Это страшно интересно – «клеить» текст за автора. С одной стороны, ты прекрасно понимаешь, где он и где ты. С другой – ничего не сделать: ты идентифицируешься с автором.

## Русские писатели – такие русские...

– Ваша книга «Еда. Итальянское счастье» получила в Италии две премии, то есть итальянцы эту книгу приняли. Как вам, неитальянке, удалось написать труд об итальянской

еде, который снискал столь замечательный прием?

– Естественно, только неитальянец может написать книгу про итальянцев, глядя на них со стороны. А еще – итальянцы очень добрые люди, у них во всем разлита невероятная мягкость. Я отлично понимала: полезь я с такой задумкой в более агрессивную культуру – с риском допустить миллион ошибок, там же терминология, тысячи названий, советы, как приготовить какие-то соусы, – все могло бы закончиться плачевно. А тут – я надеялась, что меня простят: «Приятно, что она нас изучила». Они нашли там две-три царапины, а царапины есть всегда и везде. Например, я написала про «молодое вино бароло», а оно молодым не бывает, оно по-другому называется в молодом состоянии. Ну, не проверила, да, дура. Мне очень стыдно. В русском издании эта ошибка осталась, в новом итальянском – исправлена.

– Вы были рады итальянской премии «Банкарелла»?

– Я за нее была как гладиатор в Колизее. Сейчас расскажу. Книготорговцы выбирают авторов лучших, на их взгляд, культурологических и социологических книг про еду. Все имена валят в большую кучу, и авторы шести книг, набравших больше всех голосов, приезжают на виллу в старинном городе Понтремоли в Тоскане. Устраивается турнир. Три дня дискутируют. И вот представьте: все мои конкуренты – итальянцы, и не просто так – одну книгу написали втроем, другую – вчетвером, еще одну – вдвоем, и два конкурента были одиночками. И я. Их там была армия, и они все итальянцы и профессора кулинарии. А я что? У меня платье было очень красивое. Зеленое платье, шелковое, немислимой красоты, я думала, оно меня спасет... Никогда не участвовала в столь театральном конкурсе. Это был чистый цирк. Меня поддерживали трое крестьян из Лигурии, которые в свое время объяснили мне все про артишоки. Крестьяне были в клетчатых рубашках, в сапогах, а профессора кулинарии – во фраках. Когда выяснилось, что я победила с перевесом в два голоса, это было счастье.

– Вы, кроме прочего, литагент нескольких российских авторов – Улицкой, Рубиной, Акунина, Саши Соколова, Ильи Эренбурга, группы «Мемориал». Каких русских писателей в Италии читают с интересом?

– Улицкая имеет своего читателя, хотя меньше, чем я надеялась. Проект Акунина прошел не так успешно, как хотелось бы. И грандиозный успех, вы не поверите, у Саши Соколова. Которого – пойдти прочти. Интервью, рецензии... Потому что – высокое, настоящее, качественное. Итальянцы говорят: уж если русские, пусть будут великие, они все равно такие русские, что читать их ради удовольствия мы не можем, но будем читать для престижа... Когда итальянцы заглядывают в русский мир и ошупывают его, пытаются понять, в чем же суть – они хотят, чтобы это был не лавсан, а чистая шерсть. Вот поэтому – Саша Соколов. Если вы видели его фотографию, вы знаете, что это гладко выбритый мужчина со скульптурным лицом. Лучшая рецензия на него вышла в «La Repubblica». Они поместили там фотографию: человек с окладистой белой бородой и добрым взглядом. Я спросила: как вам это пришло в голову? Они сказали, что выбрали самого русского из всей картотеки...